

УДК 81'42

Пугина Е.Ю., Холстинина Т.В.

(г. Москва)

РЕАЛИЯ КАК ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные со стилистическими характеристиками реалий как особого пласта культурно-маркированной лексики. Отмечается, что в зависимости от характера текста и намерений автора они могут играть различную роль в художественной ткани произведения. Указанное обстоятельство в значительной степени влияет на выбор той или иной переводческой стратегии при её межъязыковой передаче, что требует тщательного и всестороннего анализа соответствующих единиц в исходном тексте.

Ключевые слова: реалия, лингвостилистический, восточный, индийский оригинал, перевод.

E. Pugina, T. Kholstinina

(Moscow)

REALITY AS A LINGUOSTYLISTIC NOTION

Abstract. The article deals with some aspects connected with stylistic characteristics of realities as a specific layer of cultural-marked vocabulary. It is stated that, depending on the nature of the text and the author's intent, they can play a different role in the artistic fabric of the work. This circumstance greatly affects the choice of a translation strategy when interlingual transfer is performed. Such transfer requires a careful and comprehensive analysis of the respective units in the source text.

Key words: reality, linguostylistic, oriental, Indian, original, translation.

Можно с полным основанием констатировать, что среди многочисленных проблем теории и практики перевода, в первую очередь, художественного, вопросы, связанные с наличием в исходном тексте слов-реалий, принадлежат к числу наиболее часто обсуждаемых в отечественном переводоведении. А число посвященных им трудов насчитывает десятки (если не сотни) исследований. Предлагаемая статья рассматривает один из аспектов изучения реалий, связанный с их лингвостилистической функцией в оригинале, с одной стороны, и воспроизведением последней при межъязыковой передаче – с другой. Фактическим материалом, который был положен в ее основу, послужили так называемые восточные (главным образом – индийские) реалии в произведениях англоязычной литературы. [2, с. 3–5].

Указанный выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, наиболее характерной чертой реалий признается их ярко выраженная лингвокультурная специфика (ср. традиционное определение данного лексического пласта как единиц, обозначающих национально-культурные особенности жизни и быта). Будучи с точки зрения английского языка в подавляющем большинстве случаев экзотизмами (в отличие от собственных реалий, «экзотический» характер которых проявляется, по существу, только в ходе межъязыковой передачи), они играют ярко выраженную стилистическую роль уже в самом исходном тексте, что делает задачу ее воспроизведения особенно важной. Во-вторых, проблема отражения «восточной» лексики в произведениях, созданных на «западных» языках, помимо собственно лингвистического, обладает и отчетливо выраженным культурологическим аспектом. Наконец, в-третьих, «чужест» указанных реалий несомненна как для исходного, так и для переводного языка, но степень этой «чужести» может варьироваться в достаточно сильной степени – обстоятельство, весьма существенным образом влияющее на адекватность перевода. Что касается того аспекта, который сделан нами именно на индийские реалии, то он обусловлен тем, что, по замечанию Э. Саида, для британского автора, в связи с известными историческими обстоятельствами, «восток – это прежде всего Индия, реальные британские владения» [3, с. 266]. Таким образом, понятия «восточных» и «индийских» реалий можно рассматривать как находящиеся в родовидовом отношении друг к другу. К «востоку» при таком понимании будет относиться исламский мир, достаточно разнообразный в языковом отношении (арабоязычный, тюркский, иранский), регион Дальнего Востока с рядом самобытных культур (Китай, Вьетнам, Корея, Япония) и т. д., частью которого признается и Индия.

Объединяющим моментом по отношению к реалиям данного происхождения является то обстоятельство, что, вводя последние в англоязычный текст, автор тем самым «алиенизирует» («экзотизирует») его в лингвостилистическом плане, подчеркивая неординарный, с точки зрения своего читателя, характер отраженной в произведении действительности.

Естественно, что указанная функция присуща и непосредственно индийским реалиям. Однако названный термин, в свою очередь, требует определенного уточнения, причем в нескольких отношениях.

Прежде всего, рассматриваемый термин в диахронном плане имеет различный объем. Вплоть до второй половины прошлого столетия (т. е. до провозглашения независимости) понятие «Индия» («Британская Индия») охватывало большую часть территорий, ныне входящих в состав Республики Индия, Пакистана и Бангладеш, каждая из которых отличается ярко выраженной религиозной, культурной и этнической спецификой.

Далее, говоря об «индийских реалиях», нельзя упускать из виду, что благодаря многовековому владычеству властителей, исповедовавших ислам, лексика, отражающая соответствующую специфику, имела в течение длительного времени своего рода «общеиндийский» характер (ср. восприятие мавзолея Тадж-Махал как своего рода символа «подлинной Индии», несмотря на то, что является он продуктом мусульманской культуры). В лингвостилистическом плане не лишено интереса то обстоятельство, что авторы Англо-индийского словаря, вышедшего в XIX в., назвали его «Hobson-Jobson», охарактеризовав указанную лексему как «a typical and delightful example of that class of Anglo-Indian argot, which consists of Oriental words highly assimilated, perhaps by vulgar lips, to the English vernacular» [6, p. 9]. Между тем восходит данное название к религиозному обряду мусульман-шиитов (в русской традиции – шахсей-вахсей), по своему происхождению никак с Индией не связанному.

В пределах «собственно Индии» наблюдается достаточно пестрая картина в плане этноязыковой специфики, причем в ряде случаев возникает вопрос не просто об «индийском», а – если можно так выразиться – «локально-индийском» колорите соответствующих единиц (например, бенгальские и тамильские реалии, несомненно, являются индийскими, но для представителей соответствующих этноязыковых коллективов принципиальное различие между ними вряд ли подлежит сомнению).

Последний момент, в свою очередь, ставит перед нами еще один вопрос. Говоря об англоязычном тексте, содержащем восточные (соответственно, индийские в широком смысле слова) реалии, приходится принимать во внимание то обстоятельство, что его автором может быть не только представитель английской (британской) культуры, но и автор, принадлежащий к восточной традиции (ср. творчество Р. Тагора и Р.К. Нараяна). В данном случае «чужести» в лингвистическом плане присущ аналогичный характер – выделение слова-реалии на фоне английского; однако с точки зрения этнокультурной оно, естественно, является для создателя исходного текста «своим».

Несколько по-иному обстоит дело с той читательской аудиторией, для которой предназначались англоязычные произведения названных авторов, поскольку установка, которой они руководствовались, обращаясь к «чужому» по отношению к отраженной в них культуре языку. Применительно к Р. Тагору говорят обычно об «автопереводе» с первичного (бенгальского) языка. Правильнее, вероятно, говорить о своего рода адаптированных версиях, причем предназначенных, в первую очередь, именно для «чужой» (британской) читающей публики. Исходя из этого, по замечанию С. Флорина, «Рабиндранат Тагор переиначил фактические сведения о своей родине, чтобы приблизить, как он, вероятно, представлял себе повествование к по-

ниманию английского читателя» (отметим, что сам С. Флорин, передавая соответствующий текст (роман «Крушение») с английского на болгарский, нашел русский перевод и выправил «европеизированные» элементы, восстановив болгарские реалии) [4, с. 122]. Не останавливаясь сейчас на вопросе о том, насколько правомерен был избранный болгарским переводчиком метод, отметим, что в лингвостилистическом плане его вполне можно понять. Устранив «шастры», имена индуистских божеств (Лакшми, Шивы и др.) писатель – как это ни покажется, на первый взгляд, парадоксальным – сделал свое произведение куда более «дистиллированным» и «обесцвеченным» в плане репрезентации индийского (resp. бенгальского) колорита, чем большинство «природных» английских авторов, писавших об Индии. Причем, поскольку отдельные реалии при этом ими сохранялись (Pathans, Manu и др.), часто остается не совсем понятным, какими соображениями руководствовался автор в том или ином конкретном случае. Резюмируя лингвостилистический эффект подобной «дереализации», С.Влахов и С.Флорин отмечали: «...Автор – полновластный хозяин своего произведения, он может поступать с ним, как хочет, а Рабиндранат Тагор – крупный писатель. Однако мы находим, что в результате одних из его поправок или переделок утрачивается известная доля колорита, аромата его повествования, а благодаря другим в текст вкрадывается фальшивая нотка, приводящая к эффекту, обратному намерениям писателя-переводчика» [1, с. 193].

С.Р.К. Нарайяном в интересующем нас аспекте дело обстоит иным образом. С одной стороны, английский является исходным языком его произведений, то есть изначально они создавались по принципу: «чужой язык: своя культура». Во-вторых, аудитория, на которую они были рассчитаны, изначально была «своей» – индийцы, владеющие английским языком. Указанный момент, конечно, не исключал обращения к ним британских (и шире – англоязычных) читателей, но специально вопрос об относительной адаптации текста к их восприятию не стоял. Наконец, в-третьих, английский язык Нарайяна отражал не только (и даже, возможно, в некоторых случаях, не столько) «общеиндийский», сколько именно «тамильский» колорит, насыщая свои произведения соответствующей лексикой. Один из индийских исследователей его творчества заметил, что именно таким образом писатель придавал своим текстам ярко выраженный «индийский характер» (ср. с рассмотренным выше подходом Р. Тагора, английские версии которого, напротив, характеризовались ослаблением этого последнего): “Narayan prefers to use these Tamil coinages to denote Indianism of English language... Narayan has used the Tamil terms reverentially as if they are common to English readers. With use of these Indian terms like “Jutka”, “Bharat Natyam” and “darsham” etc., Narayan has made his language highly comprehensible with touches of Indian-

ness. Narayan's language is a brilliant specimen to represent the life, culture and psychology of state where English is a foreign language" [5, p. 41–42].

Что касается лингвостилистических функций реалий в произведениях «собственно английских» (т. е. созданных британскими авторами и предназначенных, в первую очередь, для «своего», британского, читателя), то они также достаточно разнообразны. В частности, отметим следующие случаи:

1. Создание «местного колорита», или, говоря более научным языком, отражение в тексте национально-культурной специфики отраженной в нем действительности (насколько глубоко и всесторонне передана эта последняя и насколько верно принадлежащий к иной лингвокультурной общности автор использовал соответствующий «экзотический» материал, естественно подлежит рассмотрению и анализу в каждом конкретном случае отдельно. Подобное лингвостилистическое применение характерно, в первую очередь, для произведений на собственно индийскую тематику (наиболее наглядный пример – творчество Р. Киплинга).

2. Внесение подобных элементов в художественный текст, действие которого происходит вне пределов «Востока» в собственном смысле слова (прежде всего, в самой Британии) позволяют подчеркнуть контраст с той привычно-обыденной действительностью, в которой живут и действуют герои. Указанный прием использован в некоторых произведениях А. Конан Дойла, У. Коллинза и других.

3. Восточные (в нашем случае – индийские) элементы на фоне английской действительности выполняют своего рода сатирическую функцию, высмеивая расхожие и, как правило, весьма далекие от действительности, представления «среднего англичанина» о Востоке. Так обстоит дело, в частности, в «Ярмарке тщеславия» У. Теккерея.

Естественно, что перечисленные случаи отнюдь не являются исчерпывающим описанием использования восточных реалий в англоязычном тексте и присущих им лингвостилистических функций, что делает дальнейшую разработку указанной проблемы актуальной и важной задачей.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 320 с.
2. Кхан М. Слова индийского происхождения в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1988. 18 с.
3. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 637 с.
4. Флорин С. Муки переводческие. М.: Высшая школа, 1983. 184 с.
5. Ejaz A. The language of R.K. Narayan. A Discourse Analysis. Indian Fiction in English. Roots and Blossoms, 2007. 280 p.
6. Jule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1996. XLVIII. 1020 p.